

بروفه‌سور ن. ای. آشمارین.
نوخاشهری تورک‌خلقی شیوه‌لرینه عمومی بیر نظر.
آذربایجان تدیق و تیبع جمیتی نشریاتی.

5-94

14

25281

Проф. Н. И. АШМАРИН.

✓ ОБЩИЙ ОБЗОР ✓
НАРОДНЫХ ТЮРКСКИХ ГОВОРОВ
гор. Н у х и.

De dialectis Turcarum
urbis Nuchae.

I—III.

ИЗДАНИЕ
0-ва Обследования и Изучения
АЗЕРБАЙДЖАНА.
Баку. 1926 . باکو

Вместо предисловия.

Материал, положенный в основу предлагаемого здесь краткого обзора тюркских говоров города Нухи (по-тюркски *Noxi*¹ или *Zaq'i*), ¹⁾ был собран мною на месте, в течение моего двукратного пребывания в этом очаровательном уголке Северного Закавказья, летом 1924-го и осенью 1925-го года. Обе поездки были совершены по поручению Общества Исследования и Изучения Азербайджана, и вся работа по записыванию необходимого материала продолжалась около полутора месяца. Почти все собранное мною, за сравнительно небольшими исключениями, записано со слов учеников местной мужской учительской семинарии и некоторых других нухинских школ, а для разрешения возникавших там и сям сомнений и проверки некоторой части добытого материала я обращался к образованным нухинским уроженцам, от которых и получал нужные разъяснения.

Звуковая сторона описываемых здесь говоров, — так же, как и других народных тюркских говоров нашего Азербайджана, — до сих пор совсем не привлекала к себе внимания исследователей, и настоящий труд, насколько он ставит себе целью изучение определенной, тесно локализованной группы диалектов, является, если я не ошибаюсь, первым.

Едва ли нужно здесь говорить о том, что, по многим причинам, отчасти лежащим вне личности автора, настоящая работа не может удовлетворить всем тем требованиям, которые обыкновенно предъявляются к сочинениям подобного

¹⁾ В настоящее время оба названия употребляются без различия; было-ли так всегда, это вопрос, для разрешения которого у нас, кажется, пока нет достаточных данных. В „Краткой истории шекинских ханов“, написанной Абдуллатифом эфенди, второе из этих названий (*شكي*), повидимому, имеет в виду не самый город, который в ней называется *نخو*, а всю подчиненную ему область.

рода, как со стороны количества собранного материала, так, отчасти, и в отношении его качества. Тюркское население Нухи говорит на нескольких, не легко разграничимых и не сразу различимых говорах; все эти говоры отличаются некоторыми общими специфическими чертами, которые и позволяют нам объединить их в одну особую своеобразную группу ¹⁾; тем не менее, различия, проявляющиеся между отдельными членами этой группы, довольно многочисленны, и составить в столь непродолжительный срок ее обстоятельное описание было бы совершенно невозможно даже и при более благоприятных условиях. С другой стороны, влияние письменной речи, сказывающееся здесь на каждом шагу, сильно тормозило мою работу, нарушало целостность записи и заставляло все время быть настороже, чтобы не внести литературной формы вместо местной, действительно народной. Книжная речь проникла здесь в язык народа так глубоко, что даже неграмотные люди часто употребляют книжные формы и обороты, а некоторые и говорят искусственным, почти книжным языком. Записывая только одну простую речь и отмечая литературные формы лишь в том случае, когда лицо, их сообщившее, не знало в своем говоре других, я должен был неустанно напоминать своим юным сотрудникам, что я вовсе не изучаю языка интеллигенции (кстати сказать, не совсем определенного и, как мне объясняли, всегда отражающего в себе влияние того или другого из местных говоров), а что единственной целью моей работы является изучение своеобразной речи простого народа— „logⁱ dili“, того „неотесанного“ языка, на котором говорят не искушенные книжною премудростью старые поселенцы Нухи.

Записывая слова и формы, я отмечал в каждом отдельном случае название части города, в которой жило сооб-

¹⁾ Различия между говорами могли быть вначале более резкими (см. ниже), но постоянное общение и одинаковость условий существования должны были постепенно сглаживать эту разницу.

щившее их лицо. К сожалению, многие из записей все-таки проскользнули не помеченными, в особенности целые фразы, которые я записывал в первые дни работы, когда я еще не знал, что местное население говорит не одинаковым языком. Собрать устные предания, относящиеся к возникновению отдельных частей города,—что могло бы бросить свет на историю употребляемых в них говоров,—мне тоже не удалось.

Однако, названия некоторых из городских кварталов (Qəncəli məhləsi, Qıləhli məhləsi, Ağvannar məhləsi), а также отрывочные показания старожилов и факты живой действительности, кажется, прямо свидетельствуют о том, что тюркское население Нухи (некогда бывшей столицей Шекинского ханства, а в менее отдаленное от нас время бойким центром шелководства и шелкообрабатывающей промышленности) составилось из поселенцев, стекавшихся сюда не только со всех концов тюркского Закавказья, но и из других краев. Некоторые окраины города, как Доды и Кышлах, были раньше отдельными селениями, и слились с городом лишь впоследствии. Между прочим, не лишним будет отметить, что и диалекты этих двух селений носят в себе некоторые общие черты, не встречающиеся в языке жителей самой Нухи.

Характеристичными звуковыми особенностями нухинских говоров ¹⁾ следует считать постепенное, еще не закончившееся, исчезновение велярного звука „л“, появление особых носовых гласных и удвоение гласных, вызванное исчезновением в середине слова того же носового согласного звука. Конечное „b“ обратилось здесь в „f“, как и в ганджинском и шамхорском говорах (в бакинском и шушинском оно осталось не измененным); конечные ق و ک (частью обратившиеся в говоре Баку в „g“ и „q“) перешли здесь в „x“ и „x'“. Письменный велярный спирант „g“, уже не произ-

¹⁾ Ознакомиться в той или иной степени с говорами всех кварталов города мне, к сожалению, не пришлось.

носимый в конце и середине слов османского наречия и заметно вырождающийся в некоторых азербайджанских диалектах, здесь сохранился неприкосновенным, как и у бакинцев и ганджинцев. Здесь скажут: *dag*, *jağ*, *agız*, *agır*, *agaz*, *oglı*¹ и пр.

В отношении аффиксов, следует отметить частые случаи перерождения первоначальных „л“ и „l“, вследствие полного или относительного уподобления их предыдущему согласному звуку: *atdar* (آتلار), *qızdar* (قىزلار), *garrı*¹ (فارىلى) и др. Некоторые особенности, напр., употребление известных аффиксов с гласною заднего ряда при мягких основах: *qəlməx*, *qəldıxdə* и др., сближают здешние говоры с диалектами зарубежного Азербайджана.

Как одно из проявлений воздействия ассимиляции, особенно характеристичное для Нухи, можно отметить переменную „f“ на „t“ в деепричастии соединительном, при прибавлении к нему глагольной связки *در*: *alı'tdı*¹ „он взял“, *qedi'tdı* „он ушел“, *di'mijitdi* „он не сказал“ и т. п.

Здесь я укажу на следующие отличительные черты некоторых из нухинских диалектов, предупреждая, однако, читателя, что о вполне точном приурочении большей части говором к определенному кварталу города не может быть и речи, и что отдельные говоры, повидимому, распадаются на более мелкие единицы¹⁾, установить число которых едва ли возможно.

1. Говор сел. *Гүзләх* (наименее обследованный): иногда обращает „ə“ первого слога в „a“; ставит афф.-„сах“, буд. вр., даже после мягких основ: *jijica'gam* „я буду есть“; сохраняет „л“ и „l“ в аффиксах, не подвергая их ассимиляции;

¹⁾ Не прекращающийся, хотя и слабый, приток новых поселенцев, конечно, вносит в речь города новые элементы, которые, не успев ассимилироваться или исчезнуть, могут проявляться там и сям в речи горожан, указывая особенностями своего построения на свое чуждое происхождение. Расследование подробностей этой стороны дела здесь не может иметь места.

сокращает отриц. деепричастные соединения, как и говор *Dodı*¹.

2. Говор *Qəncəli məhləsi* (населенного мусульманами-шиитами): отличается наибольшею склонностью к употреблению литературных форм и педантическому произношению звуков согласно их книжному начертанию; удерживает „a“ после „i“ и соединительного „j“: *oxı'mijən*, *agrı'mijən* (срв. Г. *oxumujan*, *agrimujan*).

3. Говоры *Ухагı*¹ - баз и *Savıncı*¹: почти везде потеряли назализацию гласных („oo“ или „o“) в притяжательных афф. 2-го л. ед. и мн. ч. ч.: *p'izi'joo'* „твоей кошки; твою кошку“, *q'izoo'z* „ваш мужчина“.

4. Говор *Dodı*¹: сохраняет назализацию гласных в указанном выше случае; употребляет после всех основ афф. буд. вр.-„сах“ и сокращает отрицательную форму деепричастных соединений с связкой *در*: *dy'rmytdı*¹ „он не стоял“; *qə'lmıtdı* „он не пришел“.

5. Говор *Qıləhli məhləsi*: переменяет конечное „-əx“ основы на „-ex“, сближаясь в этом отношении с бакинским говором: *ç'ərex'* „хлеб“ (бак. *ç'əreç*), в др. говорах Н.— *ç'əgəx'*.

Более подробные сведения об особенностях отдельных говором читатель может получить только при чтении всего сочинения и при рассмотрении и сравнении приводимых в нем примеров и парадигм.

Первоначальная русская транскрипция тюркских слов, выработанная мною главным образом на основе академической, заменена в работе, по причинам технического характера, латинской.

Заканчивая на этом свое, может быть, несколько затянувшееся, предисловие, я считаю для себя особенным долгом выразить мою сердечную благодарность следующим уважаемым гражданам города Нухи, содействовавшим тем или иным образом выполнению возложенной на меня задачи: Ответственному Секретарю Нухинского Уездного Комитета

А. К. П. И. Тагиеву, Заведующему Нухинским Отделом Народного Образования А. Махмудову, Заведующему Мужской Учительской Семинарией Р. Эфендиеву, А. Байрамову, Ш. Имам-заде, Дж. Гаджи-заде, М.-А. Халифа-заде и Абдулкериму Имам-заде. Двум последним лицам я, между прочим, обязан многочисленными разъяснениями по части фонетики и морфологии местных говоров и указаниями на некоторые интересные явления, наблюдаемые в народной речи нухинцев.

Кроме того, я не могу не упомянуть здесь с искреннею признательностью о моих постоянных нухинских сотрудниках, учениках Учительской Семинарии и других местных школ, которые пожертвовали частью своего драгоценного времени на сообщение мне многочисленных сведений по своим родным говорам, а также—о научном сотруднике нашего университета И. Гасанове, студентах А. Бабаеве, А. Алекперове и В. Хулуфлу и студентке С. Талыханбейли, со слов которых мною записаны и внесены в эту работу некоторые слова и формы ганджинского, бакинского, шамхорского и шушинского диалектов.

Баку, 26 января 1926 г.

Н. Ашмарин.

Краткие сведения о Нухе и Нухинском крае.

Город Нуха, один из уездных городов Азербайджанской республики, красиво расположен у южной подошвы Главного Кавказского хребта, на берегах горных речек Киш-чая, Дегирман-чая и Гурджана-чая, на высоте 2.454 ф. над уровнем моря. Нижняя часть города, который весь утопает в зелени, лежит на 10—15 сажен ниже русла Киш-чая, и эта речка, страшно вздувающаяся во время сильных дождей и таяния снегов в горах, держит прилегающие к ней городские окраины под угрозой ужасного наводнения. Чтобы защитить город от возможного бедствия, на реке устраиваются из камней и хвороста плотины (باريم بندلر), которые направляют течение разыгравшейся реки на ее необитаемый правый берег. Однако нередко случалось, что эти сооружения старого типа не давали желательных результатов.

Ранняя история Шекинского ханства, столицей которого была Нуха, мало известна и представляет собою печальную повесть о волнениях, усобицах и убийствах. Впоследствии, когда в Персии утвердилась династия Сафевидов, здешние ханы подчинились их власти, и с того времени история Шекинского ханства связывается с историей Ширвана. В 1819 г. ханская власть была уничтожена, и край был присоединен к России под именем Шекинской провинции. В городе можно видеть до сих пор старые укрепления и ханский дворец (хан-пизин), в персидском вкусе и с персидскою живописью, построенный ханом Гусейном в 1765 г.

Нуха соединяется почтовой дорогой через Закаталы с Сигнахом, а также и со станцией Евлах (74 в.) Закавказской железной дороги. В Дагестан ведет отсюда Военно-ахтинская дорога, идущая через перевал Салават. Не так дав-

но в Нухе процветало шелкомотальное дело и вообще обработка шелка. Немецкий путешественник А. Петцольдт, посетивший этот город в 1863 году, говорит нам в своих путевых записках о красоте здешней природы и об оживленной торговле, развившейся здесь благодаря шелкообрабатывающей промышленности и привлекавшей сюда в мае, июне и июле множество европейских купцов и их агентов, которые привозили с собою целые артели рабочих. Число иностранных гостей, наводнявших в это время года Нуху, было очень велико; особенно много приезжало французов (до 5—600 человек), а за ними—итальянцев. ¹⁾ В настоящее время шелководство в крае переживает период застоя.

Нухинский уезд является, благодаря природным условиям, одною из самых богатых, промышленных и торговых местностей Закавказья. Горная полоса, в северной части, местами поднимается до двух верст, изрыта множеством ущелий, над которыми высятся снежные вершины, орошена быстрыми речками и покрыта лесами; юго-западная окраина отчасти занята мало населенными степями, где зимуют кочевники, со своими стадами, пасущимися летом на главном хребте. Главные занятия населения уезда—садоводство, шелководство, бахчеводство, хлебопашество (между прочим—возделывание риса) и скотоводство. Кроме того, здесь занимаются пчеловодством, табаководством, выработкой шерстяных и шелковых материй, производством гончарной посуды и, отчасти, выделкой оружия и приготовлением металлических изделий. В общем составе населения преобладают по численности турки-азербайджанцы, за ними идут армяне, удины, кюринцы, грузины, гапутлинцы и, в качестве очень недавних переселенцев, волжские татары.

Объяснение сокращений.

А. — Arx-usti. ¹⁾

Agv. — Agvannar məhləsi.

Baz. — Bazar-bazı ⁱ.

Ç^c. — Ç^coq^cəx' məhlə.

Ç^caj-г. — Ç^caj-гıragı ⁱ.

D. — Dodi ⁱ.

Dav. — Davaxana.

Q^lənc. m. — Q^ləncəli məhləsi.

Q^lil. — Q^liləhli məhləsi.

Sav. — Savıncı.

Г. — диалект города Ганджи.

Гул. — Гуллар məhləsi.

Гзл. — Гзлах.

Ух. — Ухарı ⁱ - баз.

Им. — записано со слов А. Имам-заде (из Ух.).

Хал. — записано со слов М.-А. Халифа-заде (из Q^lil.).

Н. — Нуха (так иногда обозначены слова и формы, принадлежность которых тому или другому району осталась не отмеченной или не выясненной).

3-й р. — третий район г. Нухи.

20-й р. — двадцатый район г. Нухи.

¹⁾ А. Petzoldt, Der Kaukasus (Leipzig 1866), I, 192.

¹⁾ Тюркские названия обозначают отдельные части г. Нухи (см. их перечень в конце книги).

I. Звуки нухинских говоров.

А. Гласные.

Гласные без округления.

i—произносится менее энергично и более кратко, чем великорусское „и“ в слове „синь“: q^cim „кто“; q^ci „что“ (союз); dilin „твой язык; языка (родит. пад.)“; sərin „свежий“; dilimizdən „от нашего языка“; istisinnən „от его тепла“; q^cəlif „пришедши“; izdənir „употребляется“.

Исследовать точнее количественные изменения этого звука в зависимости от его положения в слове мне, к сожалению не пришлось.

Примечание. Ударенные гласные в русском языке, как известно, получают некоторую долготу¹⁾, вследствие чего, напр., в бурятском языке русское ударение отражается в виде удлинения гласной (см. у А. Д. Руднева, Хори-бурятский говор, I, XXXVII); в противоположность этому явлению, тюркское ударение этою особенностью не обладает и, напр., конечные нухинские „i“ или „i“ произносятся короче конечных ударенных „ы“ или „i“ в русских словах. Делаю здесь эту оговорку потому, что особого знака для указания отличия тюркского выговора от русского я в подобных случаях не применяю. Для установления разницы могут, например, послужить параллели: ɔzi „он сам“ и русск. „язи“; ɔfdi „он поцеловал“ и русск. „верти“. Нухинское „i“ является в этом случае заметно более низким звуком, чем ударенное русское „i“, а также и более коротким.

i—краткое i; встречается только в слоге без ударения и иногда напоминает собою каз.-тат. i; однако, повидимому, и в этих случаях оно произносится при более высоком поло-

¹⁾ См., напр., у О. Брока, Очерк физиологии слав. речи, 201.

жении языка, т.-е. является менее редуцированным звуком: q^ceq^cizip „молотка“ (род. п.); q^ciznip (назван. съедобной травы); q^cəldilər „они пришли“; q^cit^caf „книга“; istijrəm „я хочу“ (Qil.).

i—долгое i; встречается в некоторых говорах, обыкновенно как позднейшее образование, вм. более раннего „ij“: q^cəq^ci^cnən „его корнем“ (Çaj-г); однако в Ух. и Гзл. q^cəq^ci^cnən).

i—носовое i; произносится с легкою назализацией: q^cəvəhin „лемех“ (Гзл.).

i—несколько более задний звук, чем „i“: dagi^cjənən „его горою“ (Dav., D.).

i—долгое i.

e—произн. как великорусское „э“ в „эти“: без „пять“; jər „земля“; jəm „корм“; jedəx^c „consessus“; запас (срв. осм. بك^c); jemzix^c „ямщик“ (Ух.); jezix^c „ящик“ (там же).

e—долгое „е“: dərman „мельница“ (Гзл.).

ə—более широкий звук, чем каз.-тат. „ə“ в словах „bəs“, „tibə“; соответствует горно-черемисскому „ä“ в Цäplä: əlli „пятьдесят“; jərɔəlx^c „огурец“; dərə „долина“; q^cəp „легкий туман“ (Ух.).

bəbəx^c (Ух.; Бум) „зрачок“.

ə—долгое ə: səp „твой“: dərman (с „а“) „мельница“ (сообщ. Им.); lənət^c (لنت) „проклятие“.

ə—легко назализованное ə: t^cufəhdən „из ружья“ (Ç^c) rəhsiz „бесцветный“ (Гзл.).

ə²⁾—долгое ə: bəz „лицо“ (Ух.): Əhmədin rizi ag bəzdi „у дочери Ахмеда белое лицо“.

a—„нормальное“ а, соответствующее осм. „а“ в „ал“, „olan“, „sıra“: çaj „река“; hasand „легкий“; ала-була „пест-

¹⁾ Əhmət Məmmədi jedəjinə ал,tdi „Ахмед посадил Магомета на лошадь позади себя“. Срв. artdaq^c qetdi „сел сзади другого на ту же лошадь“ (Ух.).

²⁾ Нисходящий дифтонгический гласный. По мнению М.-А. Халифазаде, его можно бы было изобразить буквою „ə“ с слабым носовым сопровождением „ə“; мне кажется, однако, что назализация коснулась здесь и начала гласной.

рый, пегий“ (D., Dav.); agnax „яма с водою (для буйволов)“; saragan, назв. растения (Ух.).

а—долгое а: ɢaɾiː „старуха“ (Гзл.); baɾiː „каменн. стена“ (там же); Tˢaɾiː „Бог“; aɾiː „пчела“ (Гзл.); saɾiː „желтый“ (Гзл.); ʒaɾiː „письмо“ (scriptura, Гзл.); d̄ava „война“ (во мн. гов.); за (شاهي) „пяточок“ (так почти у всех; изредка—zaɦiː); 1) aɾiː „яд“ (Ух. и др.); в других говорах азери это слово встречается и без долготы. Относительно звука а дифтонгического типа см. в главе о долгих гласных.

а—слегка назализованное „а“: reʒhan „базилик“ (ар. ريحان); da „заря“ (употр. в сложении: da ʒeɾiː „место неба, где начинается рассвет“).

а—долгое а: ma „мне“ (Гзл.); см. звук „п.“ и главу о долгих гласных.

ɪ—как будто несколько приближается к русскому ударенному „ы“ только в сочетании ɪj, в тв. пад. имен существ., оканчивающихся на согласный звук, с суффикс. прит. 3-го л.: oxɪjˈnaɪp „его стрелой“ (Qənc. m.); в других случаях этот звук образуется при большем понижении языкового тела и при меньшем его напряжении, и произносится короче русского „ы“: ɟɪz „девица“; aɪf „взяв“; dɪvaɾ „стена“ (дома, D.).

ɪ—короткое „ɪ“; произносится бегло, иногда напоминая каз.-тат. „ы“, от которого оно, однако, повидимому, отличается более переднею артикуляцией и более высоким положением языка: ɟaɪɟˈnaɪp „из живота; из его снега“; oɟɪn ɟɪxannaɪp sora „после восхода солнца“.

В слогах с ударением этот звук не встречается.

ɪ—долгое (дифтонгическое, восходящее) „ɪ“; редкий вариант сочетания „ɪɟ“; в основах слов не встречается; при произношении этого звука положение языка—то же, что и при выговоре нухинского „ɪ“: ʒeɟɪzɪˈn „вашей земли“. См. долг. гласн.

ɪ—слегка назализованное (нухинское) „ɪ“, без последующего резонанса в носовой полости; в основах слов не

1) Встречаются и варианты без долготы: aɾiː и пр.

встречается: aɪɟ „твоей руки; твою руку“ (род. и вин. пп., D., Dav.).

ɪ—долгое дифтонгическое ɪ восходящего типа; в основах не наблюдается: aɪɟ „твоей лошади (род. п.); твою лошадь“ (Н.). См. главу о долгих гласных.

ɪː—единный краткий звук, средний между „ɪ“ и „iː“, но как будто более похожий на „ɪ“, чем на „iː“: doβɪː „род низенькой, очень короткошей кринки“ (Ух.).

Гласные с округлением.

u—произносится как французское „u“, напр., в словах turc, utile (но не как нем. ü): utˢiː „утюг“; oɟulən „смеющийся“; bulbul „соловей“ (Dav.); oɟulun „твое озеро“ (Dav., A., D., Qənc. m. и мн. др.). Если на нем нет ударения, то иногда оно звучит вяло, не энергично: buvi тетка (со стороны отца); ufurˢəqˢ (Qənc. m.; здесь „məqˢ“—книжн. форма аффикса) „дуть“.

u—короткое „u“; беглый звук: tˢufəxˢ (Ух., Qˢ.), tˢufənqˢ (D. и др.) „ружье“ (звучит почти односложно).

u—долгое u; в Нухе, повидимому, не встречается; отмечено в Буме: øzuz „вы сами“].

u—слегка назализованное u: qˢuzləɾ „углы“ (D.).

ø—совершенно соответствует осм. „ø“ в bøl „дели“, горночеремис. „ö“ в „пöрт“: øɟəɟən „учись“, nøɟutˢ (Н.), nøuˢtˢ (Ух.; в последнем варианте „u“—вялый звук, средний между „u“ и „ø“; здесь два слога, но они как бы сливаются между собою) „керосин“ 1); misøur (Ух.), misøvur (Qil., от араб. مجاور) „человек, который живет на кладбище, охраняет и убирает его и получает за это вознаграждение от доброхотных дателей“.

ø—долгое ø: qˢøɾixˢ „кузнечные мехи“ (Ух.). В стяжениях это—нисходящий или восходящий дифтонгический гласный:

1) Карачаевцы зовут его „peteqen“ (т.-е. фотоген).

dō'ləm „не есмь“ (С^с.); dōlət̄di „богатый“¹⁾; t^сōbə (Н.) t^сōvə (Ух., от Им.), но: t^сəjvə (Хал.) „покаяние“. См. долг. гласн.

y^о—см. „у“.

y—звучит похоже на великорусское „у“ в „усы“, но несколько короче и имеет более плоскую артикуляцию: гуз „птица“; дур „стой“; р^сул „деньги“, јумурт^са „яйцо“. В Гзл. оно иногда заменяется звуком y^о (у с оттенком о): р^су^ол „деньги“ ју^ому^орт^с „яйцо“; также: sy don^оy^оtdi „вода замерзла“. См. ниже.

y^л—плоское, не энергичное у; встречается и в основах, но в особенности—при грамматических изменениях слов, в качестве вспомогагельного звука: oxu^лt^с „заставь читать“; Oxu^лt^с (то же произношение)—назв. селения около Нухи; o'ly^лn „будьте“. В дальнейшем изложении я этот звук особым знаком не отличаю, а употребляю для его обозначения ту же букву („у“), что и для предыдущего звука.

y^б—беглое „у“: булах (звучит почти односложно), „(устроенный) источник“; с^суха „бурка“ (назв. одежды)“.

y^д—долгое „у“: алдyz „вы взяли“ (С^с.).

y^с—слегка назализованное „у“: q^сou^л „сердце“.

y^{дл}—долгое y: əly „твоей руки; твою руку“. См. главу о долгих гласных.

o—соотв. османск. „о“ в ок, олан, бол: ox „стрела“; od „огонь“, boz „серый“.

o^д—долгое, несколько суженное „о“, с небольшой долготой: bizo „теленка“ (Ух.); o „охота“ (там же); Mə'sojo „Москва“ (Ух. и др.); r̄to „иней“ (Ух., Гзл.). Иногда оно бывает длиннее и имеет характер падающего дифтонга: soda „торговля“ (Гзл., Ух. и др.), t^сova „покаяние“ (Н., от Им.).

1) Во втором и третьем примерах ̄ə звучит как бы похоже на ə или əj, т. е. на „ə“ с слабым призвучком „и“ или „j“. Возможно, что произношение индивидуально варьирует—или варьирует лишь в моем слуховом восприятии—между этими двумя разновидностями дифтонга. Пишущие „новым алфавитом“ иногда изображают эту двугласную сочетанием „əj“: „dejlət“ и пр.

Насчет „o“ в качестве восходящего или смешанного дифтонга см. главу о долгих гласных.

o^т—слегка назализованное „о“: dō „мерзни“ (Ух.); o^тo^тo „твоего озера; твоего пруда“ (род. п., Н.).

o^п—простой (не дифтонгический) звук, переходный от „o“ к „y“, но скорее напоминающий первый из них; встречается как возможная разновидность звука „y“.

o^{дл}—долгое o, которое я определяю как (не узкий) восходящий дифтонгический гласный звук: əlo „твою руку“ (С^сaj-г.). Весьма возможно, однако, что здесь скорее следует видеть два сливающиеся слога: əlo^о или əlo^о (см. главу о долгих гласных).

Б. Согласные.

Г у б н ы е

p^с—придыхательное „р“. т.е. „р“, сопровождаемое безголосым образованием, как бы слабым звуком „h“ (немецкое „h“, но с очень малою степенью слышимости; подобное произношение мы встречаем, напр., в аварском слове p^сuze „дуть“): q^сur^сə „глиняный кувшин средней величины“; ap^сar „унеси; увези“. Такой же звук есть и в армянском языке.

p—произносится как русск. п: t^сop^сла (иначе: t^сof^сла) „собири“.

b—равнозначуще великорусскому „б“, но в начале слов часто звучит не так звонко, чего я особым знаком не обозначаю: bel „заступ“; бала „ребенок“; баз „голова“. После глухих оно приглушается: t^сap^сbaz „он не найдет“.

m—имеет то же произношение, что и великорусское „м“: matir „мох“; min „тысяча“; mən „я“; q^сum „шелководство“¹⁾; barama „кокон шелковичного червя“²⁾.

f—губно-зубное „ф“, соотв. османск. „ф“, великорус. „ф“ в „фонарь“, „филин“: laf „совершенно“; fal „гадание; подклад“; fajt^сin „фаэтон“; q^сit^сaf; „книга“; əraf „араб“.

1) Irəx'ç'ilix'—производство шелка (Им.).

2) Barama gurdı—шелковичный червь.

Азерб. Респуб. К.А.
Мерке и елим
кита. ад.

Азерб. ССР ӨА
Инеями адия Сабийат

Азерб. ССР ӨА
ШЭРТ ЭЗЭНЛИК ТАРТИ БЭДУ
Фондамен. наук Азерб. ССР
ФОНД ГЕОГРАФИЧЕСКОГО НАЗВАНИЯ

106
5-9/4
14

v—губно-зубное „v“, великорус. „в“ в „вода“ „сова“: var „есть“ (es giebt); bava „дед“; buvi „тетка“ (во многих говорах); gav „посудина“¹⁾; q^cəvər, назв. съедобной травы (Гзл.).

Я з ы ч н ы е:

t^c—придыхательное „t“, т.-е. t, сопровождаемое легким безголосым образованием, о котором сказано выше (этот звук есть в армянском и в аварском яз., напр., в авар. слове t^ca'na „оставил“): ot^c „трава“; at^c „лошадь“; sat^cir „продает“.

t—произносится как русское „т“: iztah „аппетит“ (Qil.).

d—произносится между гласными, а также между сонорной и гласной, похоже на русское „д“, но в начале слов, а также в конце их и в особенности после глухих шумных согласных вообще звучит не столь звонко; иногда оно слышится настолько глухо, что акустически приближается к звуку „t“ (без безголосого сопровождения, о котором говорилось выше)²⁾: Dadaз, п. viri; dal „спина“; dil „язык“; daз „камень“; dad „вкус“; duзqun „правильный“; oddan „от (из) огня“; addi „имеющий имя“; daddi „вкусный“; t^cofdan „из пушки“; q^culəhdən „от ветра“; ətdən „из мяса; от мяса“; satdım „я продал“³⁾.

n—звучит как осм., каз-тат., русск. „н“: dana „теленка“ (Гзл.); oglan „мальчик; парень“; Noxi „Нуха“ (Гзл. и др.).

Если „n“ стоит перед одним из звуков: r, g, x, q, q^c, то он получает переднеязычную артикуляцию и неопытным слухом может быть смешан с велярным звуком n_o: maŋgal „жаровня“; donqyz (Qənc. m.) „свинья“ (см. ниже); irəŋq^c „цвет“ (Q^c.)⁴⁾ irənoŋin „цвета“ (род. п., там же); q^cirŋq^cl „щебень, нанесенный

¹⁾ Отсюда: gav-гасах—общее название посуды.

²⁾ Ослабление звонкости я обозначаю точкой, а почти полное исчезновение ее—двумя точками под буквою. Оттенок „d“ иногда выговаривается как бы с некоторым усилением, при чем место артикуляции не меняется.

³⁾ Оттенок „d“ мой слух воспринимает только как „t“; различие этих двух оттенков часто представляет большую трудность.

⁴⁾ Также irəx' (Q^c.).

потоком“ (Ух.); linq^c „рычаг; запор у двери или у окна“ (Ух). n_o—ŋ по звуку подобно каз-тат. n_o; в нухинских говорах обыкновенно или выпадает, или заменяется звуком „n“, или исчезает, сообщив носовой оттенок предыдущей или последующей гласной. Сохранение „n_o“ я объясняю влиянием письменности или переживанием: maŋa и maa „мне“ (срв.: ɣaɣu и ɣaɣu „твоей старухи“, род. п., Гзл.); domuɣ „он не мерзнет“ (Ух., Гул.); doyz („y“ не энергичное, плоское) „свинья“ (Ух.); doɣ'tdɪi (Ух., Qənc. m.) „он замерз“ (последнее слово встречается в Qənc. m. также и в фф. don_oy'tdɪi, doo^y'tdɪi); do'madɪi „он не замерз“ (Ух., Гул., Гзл.).

k—глухой звук, произносимый почти как русск. „к“ в слове „окошко“; встречается только в заимствовании: акузка (иначе акузга или abузга) „окошко“.

ɣ—звучит похоже на московское „г“ в слове „гора“, но произносится глуше, представляя собою акустически, как бы „г“, стремящееся, обратиться в „к“. Артикулируется не энергично, на границе твердого и мягкого неба. Некоторые из местных уроженцев отождествляли этот звук с русским г; но когда я заставил их произносить русские слова г о р а, г о л о с, то недостаток звонкости начальной согласной проявился в их произношении совершенно ясно. Примеры: ɣaɣ „снег“; ɣaɣzɣa „муравей“ (в последнем примере последнее „ɣ“—конечно, вследствие его положения после глухого „z“—звучит на мой слух глухо; однако турки утверждают, что и здесь мы имеем тот же самый звук); ɣaɣa „сладкое“ (детское слово); ɣoɣal „маленький хлебец“; jaŋɣi и jaŋɣ „пожар“ (Ух.); ɣolq^cax „кукла“ (Ух.); ɣajnaɣa „родник“ (не устроенный, Ух.);¹⁾ ɣurɣazɪn „Куткашен“ (назв. селения, Хал.).

ɣ—более глухой звук, чем „ɣ“; на русский слух, может показаться совсем глухим, как в слове О к а; имеет более заднюю артикуляцию, чем русское к, которая, однако, возникает более впереди, чем артикуляция каз-тат. „k“, которого

¹⁾ Родник, пущенный в трубу, называется „булах“.